

An aerial view of a fantastical city. In the foreground, a large, ornate building with a prominent golden dome and classical architectural details is the central focus. The city extends into the distance, featuring a mix of traditional and futuristic structures. A tall, slender, metallic spire rises from a hill in the background. The landscape is hilly and green, with a blue sky filled with large, white, fluffy clouds. The overall scene is bright and detailed, suggesting a rich, imaginative world.

Alexander Grigoryev

Империя экспансии, живые маяки 2.1

Alexander Grigoryev
Империя экспансии,
живые маяки 2.1
Серия «Живые Маяки», книга 18

*<https://litres.ru/73108458>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В романе описывается история прихода к власти и правления императора Георгия I в космической империи, где он пытается реформировать общество через масштабную экспансию новых территорий. Главный герой создаёт Орден первопроходцев как инструмент мотивации граждан к освоению космоса, выстраивает новую идеологию вокруг семьи как символа империи и стремится объединить различные социальные слои.

В центре повествования конфликт между старой аристократией и новыми элитами, между бюрократической рутинной и необходимостью постоянных изменений. Император ищет баланс между ролью символа государства и сохранением связи с семьёй, между авторитарным правлением и народным доверием.

Ключевые элементы сюжета включают создание новой системы наград и привилегий, формирование экспедиционных флотилий, реформирование системы безопасности империи и

попытку построить образцовая семья как пример для подданных. Особое внимание уделяется идее, что экспансия космоса может стать объединяющей силой для общества.

Содержание

Глава 1 Становление	5
Глава 2 Сенат и народ Рима	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Alexander Grigoryev

Империя экспансии, живые маяки 2.1

Глава 1 Становление

Часть 1. Отпуск на Жемчужине

Здесь в космической империи нет такого обыкновения, сравнивать нового главу государства с Наполеоном, который за 100 дней поставил всю Францию и Европу на уши. А вот у меня на Жемчужине появилось время. Мои облака, как всегда точно и по расписанию, закрыли собой далёкую землю. Остались только соседние скалы и небо, чистое небо.

Время подумать, что я успел за свои 100 дней. По сути не много. Создал Сенат, разрешил пару конфликтов и проблем, выявил тех кто пакостил мне в Департаменте и послал их на зачистку мертвых флотилий. И погряз в бумажной и бюрократической рутине. Все, дальше меня засосет и стану ещё одним марионеткой на троне. Свои же друзья Сол и Дик отодвинут меня.

Начнем с начала.

Зачем я согласился стать пилотом и включать маяки? Что-

бы моя новая семья была в безопасности. И чтобы иметь шанс дать лучше будущее своим детям от первого брака.

Зачем я боролся за самостоятельность Департамента развития? Чтобы меня и мою двойную семью не уничтожили в сладком сиропе. Сладком и ядовитом.

А сейчас, когда у меня есть электронный ключ от сердца этой космической Империи, зачем мне бороться дальше? Нужно дать ответ, прежде всего себе. Может остановится? Пусть идёт само по себе. Эти первые девять территорий освоят при мне, а остальное кто-нибудь и когданибудь. Капитализм он такой, только покажи возможность захватить, расширить, обратить в доход.

У меня вон девятилетний пацан меня дичится. Оно понятно, ему было не больше года, когда я пропал на пять лет. Он меня не знал. Потом я год пропадал в Департаменте. А теперь пацан стал принцем с дядькой наставником и отца опять не видит. Ещё пара лет и пацан вообще перестанет меня как отца и человека воспринимать. Стану функцией.

Таша аристократка моя. Вроде стала императрицей, а сама спрашивает где мой дикий юрист, где муж. Ага, а сама балы и приемы устраивает для своих подружек, старую аристократию то мы разогнали. Ладно хоть Виолетта держит дом в железных руках и печет пироги, иначе возвращаться было бы некуда.

Думай Чапай, думай.

Народный призыв, который меня поддержал при создании

Департамента, да и сейчас поддерживает. Поднял из низов всех инициативных простолюдинов, обедневших и мелких аристократов. Огромная чистка высших кругов освободила высшие командные посты в армии, флоте, СБ, в правительстве. За эти посты сейчас идёт борьба. Только вот средний эшелон аристократии остался не затронут, а они костяк всей имперской системы. Их надо чем-то заинтересовать.

Чем можно их заинтересовать, только карьерным ростом чиновников, огромными барышами торговцев и промышленников, повышением звания и должности военных.

А всему остальному народу Империи нужно не только объяснить что новые территории это хорошо, народ должен увидеть, что жизнь стала легче и веселее.

Алексей повелся на развод Тоньки БАМ, кристаллическую сеть плетут. Думают, что идут против империи, вина самом деле играют ей на руку. В эта сеть как пылесосом втягивает всех у кого шило в заднице, а так хоть при деле. Пусть развлекаются. Завтра я их указом раскидаю по всем планетам Земельного сектора и Алексея повышу до наместника сектора. Пусть Тонька БАМ и другие непоседы поймут что такое ответственность и бюрократия. Посмотрим смогут ли они масштабировать свою кристаллическую сеть в масштабах всего сектора всех одиннадцати заселенных планет.

Пара мыслей есть, а пока летим на пляж с Нашей и детьми.

Часть 2. Клятва пионера.

За дело коммунистической партии будь готов! Всегда готов!

Странное дело, в империи нет политических партий, нет церкви. Секты поклонения разным изуверским богам есть, а церкви нет. Все что не приносит прибыль, все не нужно. И партии в супер империалистическом обществе тоже не нужны. Старый император маяк выдавал один орден, Орден За верность Императору.

Вот, я им создам Орден первопроходца. Пусть сами себя толкают на экспансию. Медальки трёх степеней, получил три медальки, стал аристократом, это для простолюдинов. Орден что то среднее между церковью и партией.

Решено:

1. Указ о создании Ордена достижения предела, для взрослых. Молодая стая, предела, для молодежи. Волчата предела, для детей. Дик назначается Магистром ордена. Алексей назначается Магистром Молодой стаи. Эдвард назначается Магистром Волчат. Эмма символ Ордена. Заготовка указа ушла секретарю, он разовьёт идею и создаст Указ императора по всей форме.

1.1. Секретно. Белой гвардии, в держать новый Орден в фокусе пропаганды.

2. Указ о назначении Сода на должность Канцлера Империи все государственные дела через него. Руки, время и голову нужно освободить.

3. Указ о назначении Алексея наместником сектора территорий одиннадцати планет. Таньку БАМ и ещё десять таких же не угомонных советниками по развитию к наместникам планет. Заместителя Алексея повысить до наместника на Земле.

4. Указ по армии и флоту. Создать пять корпусов на замену умершему экипажу мертвых флотилий. По одному миллиону в каждом корпусе. Солдат и младший командиров набрать по призыву и контракту в новом секторе где Земля. Срок подготовки один год.

5. Указ по Первому строительному (бывшему Инженерному) полку. Построить триста кораблей для формирования трёх экспедиционных флотилий по сто кораблей в каждой флотилии. Армии и флоту , подготовить экипажи для новых трёх флотилий. Солдаты и младшие командиры с новой территории. Срок строительства и подготовки один год.

6. Указ. Военные подразделения Департамента развития включить в состав Черной гвардии.

7. Указ. Черной гвардии создать подразделение поддержки и обслуживания эскадрильи Земля. Первому строительному полку обновить парк космических кораблей эскадрильи Земля на корабли с новыми прыжковыми двигателями. Срок замены полгода. Подразделению поддержки и обслуживания создать базы поддержки.

8. Указ. Канцлеру империи и министерству финансов разработать план по финансированию первых указов.

9. Указ. Канцлеру империи и министерству финансов разработать комплекс мер по привлечению торговых и промышленных предприятий, кланов, союзов и объединений для освоения новых территорий, развития торговли, промышленности.

Пока так. Теперь я буду император пионер вожатый. Комсомольцам и пионерам буду промывать мозги. А взрослые пусть используют Орден чтобы заслужить почести, звания и должности.

Начну с Эдварда, половина эго класса исключена из школы т.к. их отцы и родственники были против меня. Нужно заполнить класс Эдварда детьми людей из народного призыва. А я буду их пионер вожатым. Эдвард будет рядом со мной.

Осталось СБ империи. Мой куратор генерал СБ стал руководителем всего СБ и ему уже не до меня, не до моих хотелок, хоть я и император. Мне нужен оперативный генерал СБ, свой генерал. Мои мысли потянулись в прошлое. Семь, восемь лет всего, а как будто что лет прошло. Где сейчас майор СБ Эон Кикс, последний раз я не видел здесь на Жемчужине, когда мы с Ташей держали марафон светских мероприятий. Тогда мы вежливо пообщались, а Таша заподозрила соперницу. Но теперь, мне Эон нужна как мой человек в СБ империи. Император маяк всю информацию разложил по аккуратным полочкам. Если захотеть то можно узнать информацию о самом ненужном бездомном на дальней планете. Вот и сейчас, интерфейс поиска разворачивается окно

за окном. Майор СБ империи, поправка полковник СБ империи Эон Кикс, проходит службу в 89 секторе империи в должности главы транспортной инспекции. Далеко её закинуло. Таша будет не довольна, ей обязательно донесут но мне Эон нужна.

Приказ. Полковнику СБ империи Эон Кикс явится на аудиенцию к императору через месяц.

На этом пока все.

Часть 3. Совет семьи

Облака над Жемчужиной медленно таяли, открывая далёкую землю далеко внизу, под вершиной скалы. Но сейчас я смотрел не на неё. Я смотрел на них – на свою семью, собранную в просторной гостиной нашего маленького одноэтажного дома на самой вершине. Стеклопанная стена от пола до потолка была единственной роскошью, впускавшей внутрь весь мир.

На столе – простые, но идеальные угощения, которые успела распорядиться приготовить Таша: горячие лепёшки с пряностями, земной чай, сок из местных фруктов. Просто. По-домашнему. Так, как должно быть в настоящем доме. Таша сидела напротив, прекрасная и отстранённая, в лёгком платье, а не в горностае императрицы. Эмма, моя лучистая дочь, устроилась у её ног, строя башню из кубиков-голограмм. Эдвард – вот он, мой девятилетний пацан, сжавшийся в кресле рядом с дядькой-наставником. Он смотрел

куда угодно, только не на меня. «Спасибо, что пришли, – начал я, и мой голос прозвучал странно громко в тишине. – Не на приём. Не на совет. Просто... посоветоваться.» Таша подняла удивлённый взгляд. Она ждала указов. Она ждала очередного поручения. Она не ждала этого. «Я устал быть функцией, – сказал я прямо, глядя на сына. – Император – это функция. Маяк – функция. Символ – функция. Я не хочу, чтобы ты, Эдвард, видел во мне только это. И не хочу, чтобы вы все, – я обвёл взглядом их, – видели во мне только это.» «Что ты задумал, Алекс?» – спросила Таша, и в её голосе сквозь привычную прохладу пробилась тревога. Она знала, когда я начинаю вот так, «по-чапаевски». «Я задумал экспансию. Большую. Таковую, чтобы через сто лет наша империя стала вдесятеро больше. Но я не хочу пропадать в ней. Я хочу быть здесь. С вами.» Эдвард наконец взглянул на меня. Скептически. По-взрослому. «Это невозможно, – тихо сказал наставник, старый вояка. – Вождь экспансии должен быть на острие. Он – знамя.» «Вот именно. Знамя, – я подчеркнул слово. – А знамя не обязательно махать самому. Его можно высоко поднять и нести вперёд, пока оно развеивается на ветру, видимое всем. Я буду этим знаменем. А носителями... станете все вы.» В комнате повисло молчание. «Объясни, – попросила Таша, отодвинув чашку. В её глазах зажёгся старый, дикий огонёк юриста, который я так любил. Я глубоко вздохнул. Как же объяснить им то, что жило лишь в пыльных архивах древней Земли? «Давным-давно, на Земле, была одна

сила. Не боги, не магия. Идея. Она звалась... Коммунизм. Смешно, да?» – я усмехнулся, видя их недоумение. – «Она обещала рай всем и сразу. Не срослось. Но у них была система. Чёткая, как часы. Партия – для взрослых, комсомол – для молодых, пионеры – для детей. Все были частью одного целого. Все были... символами будущего. Не просто винтиками. А знамёнами. Каждый на своём посту.» «И что, ты хочешь возродить эту... партию?» – ужаснулась Таша. «Аристократия взвояет. Капиталисты поднимут флоты на мятеж!» «Нет. Я создаю не партию. Я создаю Семью. Семью-символ. Я – вождь. Ты, Таша, – не просто императрица на приёмах. Ты – жена вождя. Твоя работа – показывать, что за сильным мужем стоит сильная, умная, прекрасная женщина. Что наша экспансия – это не только захват, но и созидание дома, очага, культуры. Твои балы – не для сплетен, а для вербовки жён и матерей новых первопроходцев.» Таша замерла, переваривая. Её амбиции всегда были тоньше и глубже, чем просто наряды. Я попал в цель. «Эмма, – дочь подняла на меня свои большие глаза. – Ты – символ всего нового. Ты родилась уже здесь, на вершине. Твоя улыбка на плакатах, твои рисунки новых миров – это будет лицом нашей мечты. Лицом добра, которое мы несём.» «А я?» – спросил Эдвард, и голос его дрогнул. Он ждал, что его снова отодвинут. Назначат номинальной фигурой и отправят учиться. «Ты, сын, – самое важное. Ты – наследник. И ты – глава «Волчат Предела». Детского крыла Ордена. Ты будешь не просто прин-

цем в учебной форме. Ты будешь их командиром. Их старшим братом. Ты будешь с ними ходить в походы по безопасным мирам, изучать первые маяки, строить форты из песка... или из энергонитей. И я... я буду вашим Пионервожатым. Мы будем делать это вместе. Каждую неделю. Не как император и принц. Как отец и сын.» Я видел, как по его щеке скатилась предательская капля, которую он тут же смахнул. Его наставник смотрел на меня с неммым одобрением. Это был план не только государства. Это был план отца. «А Орден для взрослых? Экспансия? Флотилии?» – вернула меня к реальности Таша, уже просчитывая политические последствия. «Орден – это каркас. Мы все станем его живыми иконами. Я – Маяк-Основатель. Ты – Хранительница Очага. Эдвард – Наследник-Первопроходец. Эмма – Улыбка Новых Миров. Нас будут рисовать на плакатах, о нас будут слагать песни. Мы будем вести империю вперёд, не сходя с этого места. Наша личная жизнь, наша семья – и есть главный проект империи. Мы покажем, что экспансия ради будущего наших детей – это не пустой лозунг. Это наша с вами правда.» Я встал и подошёл к окну. Космос звал бесчисленными огнями из-за кромки облаков. «Меня будут ненавидеть старые аристократы за то, что я размываю их исключительность этим «культом семьи». Меня будут бояться капиталисты, потому что я создаю новую, страшную для них религию – религию долга и будущего. Но народ... народ потянется за нами. Потому что у каждого есть семья. И каждый хочет для неё луч-

шего.»Я обернулся к ним.«Я не буду пропадать в бюро. Я буду здесь. Руководить – да. Но и быть мужем. Отцом. Мы будем вместе. А империя... она пойдёт за нами, как за самым ярким созвездием. Согласны?»Медленно, с ослепительной, настоящей улыбкой поднялась Таша. Она поняла. Поняла свой масштаб. Эмма захлопала в ладоши. Эдвард встал, выпрямившись по-военному, и кивнул. Не как сын отцу. Как союзник союзнику.«Значит, решено, – сказал я тихо. – Завтра выйдет не указ. Манифест. Манифест Семьи Империи. А сейчас... Наставник, отведи, пожалуйста, детей, покажи им новый симулятор штурмового катера в игровой. Мне нужно кое-что обсудить с Ташей. Наедине.»Лёд, едва растаявший в её глазах, вернулся мгновенно. Улыбка погасла. Она молча кивнула. Наставник, всё понимающий без слов, жестом собрал Эдварда и Эмму. Дверь закрылась. Остались только мы двое и гулкое эхо грандиозных планов в этом маленьком доме на краю неба.«Что ещё, Алекс? – спросила она, не сядя. Её поза была совершенной: императрица, ожидающая доклада. Не жена. – Какое «кое-что» может быть важнее после такого?»«Садись, Таша. Прошу.» Я не стал использовать никаких уменьшительных. Только имя, каким она сама себя представляет миру. Она села, настороженно.«Дело не в империи. Дело во мне. Мне нужен свой человек в СБ. Настоящий. Тот, кто будет смотреть на мир моими глазами и держать руку на пульсе всего, что они скрывают от императора. Мой старый куратор там уже вырос до потолка, ему не до мо-

их частных дел.» «И ты его нашёл? Своего человека?» – её голос был гладким, как лезвие. «Нашёл. Вернее, вспомнил. Эон Кикс.» В комнате стало тихо. Слишком тихо. Я видел, как бесследно исчезло всё напряжение её плеч, сменившись какой-то странной, холодной расслабленностью. Опасно. «Полковник Кикс, – произнесла она, пробуя имя на вкус. – Да, помню её. С «марафона светских мероприятий». Очень... оперативная девочка.» «Она не «девочка». Она профессионал. Одна из лучших в своём поколении. Сейчас она гниёт на задворках империи, в транспортной инспекции 89-го сектора. Ядерный заряд в роли регулировщика. Это преступление.» «И конечно, только она может спасти тебя и империю, – в её голосе зазвучала знакомая, ядовито-сладкая нотка. Та самая, из «сладкого сиропа». – Как удобно. И как... предсказуемо.» Я встал и подошёл к ней. Не как император. Как муж, который знает, что сейчас решается что-то более хрупкое, чем договор о границах. «Таша. Послушай меня. Я говорю это тебе. Сейчас. Сам. Не дам тебе услышать это завтра в виде сплетни от какой-нибудь «подружки» на своём же приёме. Не дам генералу СБ шепнуть тебе на ушко, чтобы посеять между нами раздор. Я вытаскиваю эту информацию на свет, кладу перед тобой и говорю: мне она нужна. Для дела. Для контроля над аппаратом, который может в любой момент свернуть нам шею. Не для чего иного.» Она смотрела на меня, её глаза сканировали моё лицо в поисках лжи. «Ты даёшь ей власть. Доступ к себе. К нашим детям. Ты впуска-

ешь волка в мифическую «Семью-символ», которую только что придумал.» «Я впускаю специалиста. И я ставлю её под твой двойной контроль. Негласный. Ты будешь знать каждый её шаг. Больше, чем я. Если ты скажешь, что она опасна – я отправлю её обратно регулировать грузопотоки на периферии. Но сначала дай мне попробовать. Дай нам попробовать. Мне нужны свои глаза и уши. А тебе, если ты хочешь быть настоящей Хранительницей Очага, а не куклой на балах, – нужна реальная информация. Не та, что подают императрице. А та, что идёт в обход. Эон может стать нашим общим инструментом. Если мы будем действовать как команда. Как союзники. Как... семья.» Я протянул руку, но не дотронулся до неё. Просто оставил между нами. Жест, а не приказ. Она долго молчала, глядя на мою руку, потом в окно, на уплывающие облака Жемчужины. «Я буду контролировать каждый её шаг, – наконец сказала она тихо, но чётко. – Каждый отчёт будет идти и мне. Она появится в моём присутствии только в униформе и только с докладом. И если я хотя бы раз почувствую, что это выходит за рамки «дела»...» «... Ты имеешь полное право вышвырнуть её сама, без моего указа. Лично. И я поддержу тебя перед всем СБ, – закончил я. Она глубоко вздохнула, и напряжение в её плечах наконец дрогнуло. «Ты стал слишком хорошим дипломатом, Алекс. Страшно хорошим. Ладно. Пусть будет по-твоему. Но ужин... ужин сейчас буду есть только я и дети. Ты заслужил посидеть тут и подумать о своей «команде.» В её глазах мелькнула та самая,

дикая искорка, которая когда-то свела меня с ума. Не ревность. А вызов. Принятие игры по новым, её собственным правилам. «Справедливо, – я усмехнулся. – Я подожду.» Она вышла, и я остался один в тишине этого дома на скале. План работал. Семья как символ. Семья как команда. Семья как поле сложной, опасной и бесконечно важной игры. Но теперь в этой игре были открытые карты. И это было главное. Через полчаса дверь приоткрылась, и внутрь просунулась головка Эммы. «Папа, мама говорит, что ты отбыл наказание. Иди есть. Лепёшки остывают.» И в тот вечер, впервые за долгое время, смех в нашем доме на Жемчужине звучал не для галочки в протоколе. Он звучал по-настоящему. Пусть и с лёгкой, острой горчинкой от только что заключённого хрупкого перемирия. У меня был план. Теперь у меня была и команда. Моя семья. Моё первое и самое важное завоевание.

Часть 4. Эпохальная

Месяц пролетел так, как не летали даже истребители на сверхсвете. Романов Георгий Александрович, он же император Георгий I, не подписал ни одного нового указа. Точнее, подписывал – но только те, что готовил Канцлер и министры. Он лишь ставил визу, иногда спрашивая: «Вы уверены?». И все.

Всё время он отдал им. Семье. Эдварду и Эмме. Таше... о жене рассказывать не буду. Вырастите – сами узнаете.

Он показал детям шахматы. Эдвард схватил с ходу, его

аналитический ум сразу увидел в этом битву. Эмма проиграла два раза и заявила, что это скучно, после чего обыграла отца в «дурака» трижды подряд. Они раскладывали «козынку» на огромном стеклянном столе в их доме на Эдеме. Ходили по виртуальным пляжам симуляторов и настоящим горным тропам заповедных зон. Было чем заняться. Было ради чего.

Но отпуск, даже императорский, кончается. И вот она – Главная Императорская Резиденция на Эдеме. Не дворец, а целый город в мраморе, стали и стекле, символ безликой, всепоглощающей власти. Здесь, в самом его сердце, им отвели личные покои. Роскошные, огромные, бездушные. Они там не жили. Они остались в том самом доме бывшего генерала, который давно стал их домом. Но резиденцию пришлось обживать – для приёмов, для аудиенций, для игры в империю.

Именно в личных покоях резиденции, в небольшом кабинете с видом на внутренний сад-аквариум, Георгий решил принять Эон Кикс. Специально. Чтобы она поняла разницу между официальным приёмом в тронном зале и этим. Чтобы поняла, что для него она – не просто полковник.

Он отменил всё: церемонию представления, глашатаев, протокольные реверансы. Просто его новый личный секретарь, подобранный Канцлером, тихо вошёл и доложил: «Приглашённый полковник здесь, ваше величество». Георгий кивнул, не отрываясь от окна, где плавали синекольча-

тые медузы-призраки.

Дверь открылась беззвучно.

Она вошла. Эон Кикс. Всё та же эффектная брюнетка, чьи чёрные волосы были убраны в безупречно строгий узел, а форма СБ сидела на ней как вторая кожа, подчёркивая и скрывая одновременно. Официальный тон, застывшее лицо – она выстроила вокруг себя ледяную крепость. Но он-то знал, что за этой непрístupностью скрывается. Неуверенность. Надежда. Страх, что её снова пошлют на край света регулировать грузовые потоки. Поэтому инициативу взял в свои руки сразу.

Не оборачиваясь, сказал:

–Ну, здравствуй, моя эпохальная.

Прозвище, данное ей сто лет назад, в другой жизни, на заре его карьеры здесь, когда она была майором, присланной «курировать» строптивного выдвиженца из народа. Оно прозвучало как щелчок по замку. Он услышал, как за спиной сбилось дыхание.

Обернулся. Лёд на её лице дал трещину, но не рассыпался.

–Проходи, присаживайся. Как дела?

Она сделала два чётких шага в центр комнаты и замерла по стойке «смирно».

–Полковник Кикс прибыла по вашему приказанию, ваше вели...

– Эон, – мягко, но неоспоримо перебил он. – Здесь нет

«величества». Здесь – Георгий. И ты сидишь на диване. Или мне встать в стойку «смирно» тоже?

Уголок её губ дрогнул. Крепость пала. Она медленно, почти неловко, опустилась на край кожанного дивана, словно боялась его помять. Из полковника она превратилась в нервную, уставшую женщину, позволившую себе на секунду расслабиться.

– Я... я давно ждала, когда ты меня позовёшь, – выдохнула она, глядя не на него, а на свои безупречно отглаженные брюки. – Я спряталась сразу, как ты появился в империи и стал генералом. Потом – личным советником. Потом... всем. Чем выше ты поднимался, тем глубже я старалась закопаться в архивах и на периферии. Боялась стать твоей проблемой. Или разменной монетой для твоих врагов.

Дальше она рассказывала. О службе в 89-м секторе, где единственным развлечением был подсчёт проходящих грузовых конвоев. О скуке, разъедающей душу. О надежде, которую она тушила в себе каждый день, но которая упрямо тлела где-то внутри. О том, как боялась увидеть в новостях его портрет под траурной рамкой – и как боялась увидеть его рядом с портретом новой фаворитки.

Он слушал, кивая. Потом рассказал своё. Кратко. О зверской перековке из юриста в пилота. О пяти годах скитаний по чёрным безднам между мирами. О том, как вернулся в другую жизнь. Ещё более кратко обрисовал текущую ситуацию: СБ, где его бывший куратор теперь – глава всего ведом-

ства, огромный бюрократ, которому не до оперативных мелочей вроде безопасности императора. А ему нужен именно оперативник. Глаз. Ухо. И иногда – острое копьё.

– Мне нужен генерал. Глава оперативного управления СБ Империи, – сказал он прямо, глядя ей в глаза. – Тот, кто будет видеть то, что от меня скрывают. Слышать то, о чём мне не докладывают. И действовать так, как нужно мне, а не как предписывают тысячелетние инструкции.

В её глазах вспыхнул тот самый огонь – острый, ястребиный, голодный до дела. Но следом накатила волна страха. Страх перед ответственностью. Перед масштабом.

– Я не могу... Я так долго была никем... – начала она.

– Можешь, – отрезал он. – Подбери себе команду. Самых голодных, самых обиженных системой, самых умных и самых безбашенных. Даю тебе полную свободу в этом вопросе. Планов у меня – громадьё. Освоение сектора, новые флотилии, Орден, борьба с аристократией, давление капиталистов. Везде нужен глаз да глаз. Ты станешь этими глазами и ушами. А когда надо – и копьём.

Он встал, подошёл к столу и взял с него тонкий электронный планшет. Протянул ей.

– Поздравляю с назначением, генерал СБ Империи Эон Кикс. Все документы уже подписаны. Остальное – в отделе кадров. Твой пропуск теперь везде. В том числе – сюда.

Она взяла планшет дрожащими пальцами, взгляд скользнул по экрану, задержался на печати императора и новой,

головокружительной должности. И тогда в ней что-то сорвалось.

Она резко встала, отбросила планшет на диван и бросилась к нему, обвивая руками шею. Это был порыв, объятие не подчинённого, не солдата, а любящей женщины, которая ждала этого момента годы. Чувственное, отчаянное, незащитное. Длилось оно долю секунды.

Она резко, почти с силой оторвалась, отшатнулась назад. Лицо вмиг стало каменным, офицерской маской. Она выпрямилась в струну и отдала уставной книксен, безупречный и ледяной. Потом правый кулак, резко и звонко – в грудь, над сердцем.

– Служу Императору! – голос прозвучал металлически-чётко, без единой эмоции.

Развернулась на каблуках и чётким шагом направилась к выходу.

Он не стал её останавливать. Просто сказал в спину, уже почти вышедшую за дверь:

–Завтра. В моём доме. Здесь, на Эдеме. Приём для... личных друзей. Ты приглашена. Без формы.

Она замерла на пороге, не оборачиваясь. Кивнула – один короткий, резкий кивок. И вышла, бесшумно закрыв дверь.

Георгий вздохнул, подошёл к аквариуму. Медузы плавно колыхались в воде. Только что здесь был человек. Теперь снова был он. Император, который только что вбросил в тихие воды своего двора новый, непредсказуемый элемент.

«Ну что ж, эпохальная, – мысленно обратился он к ней. – Посмотрим, какую эпоху мы с тобой начнём».

А завтра будет новая битва. Домашняя. Потому что на том приёме будет Таша. И её взгляд, когда она увидит Эон в платье, а не в форме, будет красноречивее любых докладов СБ.

Игра начиналась по-настоящему. И фигур на доске прибавилось.

Часть 5. Друзья-заговорщики

Дом бывшего генерала, а теперь мой дом, стоял на транс-континентальном шоссе через весь континент, обсаженной синествольными кедрами Эдема. Снаружи – скромная, даже аскетичная старомодная постройка из натурального камня и дерева. Внутри – тот самый редкий баланс: все передовые фантастические девайсы были на своих местах, обеспечивая безопасность, связь и комфорт, но они не мозолили глаза. Их не было видно. Интерьер был выдержан в стиле «чинно и благородно»: темное дерево, ткани глубоких тонов, книги в переплетах – настоящие, бумажные. Приобрести этот дом за смешные по столичным меркам деньги было чудом, возможным только благодаря чудовищному благу и невероятной удаче. В сердце Империи связи и влияние всегда ценились выше простых цифр на счету.

Этот дом Виолетта, моя названная мать, держала в крепких, любящих руках. Она создала здесь не просто жилище, а место, в которое хотелось возвращаться. Место, которое с

полным правом можно было назвать Домом.

Сегодня вечером в большой гостиной, вопреки всем законам технологической эры, горел настоящий камин, потрескивая поленьями редкой породы, а по комнате были расставлены подсвечники с обычными стеариновыми свечами. Их тёплый, неровный свет отражался в полированных поверхностях и глазах гостей, создавая атмосферу древнего таинства среди звёздных империй. Мой маленький фокус, который семья уже видела, а друзья – нет, ждал своего часа.

Но сначала был сытный, почти домашний ужин в столовой. Длинный стол ломился от простой, но идеально приготовленной еды. Звучал весёлый, бесшабашный смех и перебывающие друг друга рассказы. Здесь не было чинов, званий или титулов. Здесь были друзья. Те самые, что были рядом, когда я был не то чтобы юристом, а самым настоящим, растерянным и ничего не понимающим «попаданцем» с дикой планеты под названием Земля.

Сол, капрал, а ныне – Канцлер Империи, хохотал, вспоминая, как мы впервые завербовали парикмахера. Дик, бывший сержант, а ныне – Магистр Ордена Первопроходца, с умным прищуром допрашивал официантку о рецепте соуса. Ребята из моей первой и второй бригады, теперь – люди в высоких министерских креслах, спорили о достоинствах разных моделей бластеров. Здесь же был мой названный отец и его племянник. Прилетел по случаю Алексей, мой старший сын от первого брака, уже назначенный Магистром «Моло-

дой Стаи». Рядом – Таня, моя дочь, тихо беседующая с... Светланой, моей первой женой, и её вторым мужем, Альбертом, добродушным инженером. Удивительно, но это работало. Мы были не императорской семьёй, а просто большим, шумным, немного странным кланом.

Моя нынешняя семья – Таша, Эдвард, Эмма – присутствовала первый час, а потом, по моему настоянию, отбыла в свои комнаты. Эдвард шёл нехотя, Эмма клевала носом. Таша, прежде чем уйти, бросила длинный, оценивающий взгляд на Эон Кикс и на меня. Её уход был так же красноречив, как и её присутствие.

Эон была здесь. В простом, но безупречно сидящем тёмно-синем платье, которое делало её одновременно уязвимой и невероятно красивой. Она вела себя с подчёркнутой, почти монашеской скромностью, чувствуя на себе пристальный, холодноватый взгляд хозяйки дома и императрицы. Но Сол и Дик майора, а теперь полковника и генерала Кикс помнили прекрасно. Их взгляды, когда они её заметили, были красноречивы: короткое удивление, мгновенная оценка, затем почти незаметные кивки – знак признания старого товарища по оружию. Никаких вопросов. Они понимали игры власти лучше многих.

Когда десерт был окончен и чашки с кофе допиты, все плавно перетекли в гостиную, к теплу камина и живому свету свечей. Весёлый гул потихоньку стих. Сигаретный дым (настоящий табак!) закрубился в лучах света. Все взоры,

полные ожидания, любопытства и безграничного доверия, обратились ко мне.

Я подошёл к камину, повернулся к ним спиной, будто грея руки. Я прекрасно знал, что в этом доме, несмотря на все меры предосторожности, наверняка есть пара-тройка очень хорошо замаскированных «жучков». От СБ моего бывшего куратора, от аристократических кланов, от коммерческих конкурентов. Поэтому я, не говоря ни слова, использовал одну миллиардную долю могущества Электронного Ключа – того самого, что открывал двери в сердце Империи. Лёгкое, почти неощутимое для людей напряжение спало с воздуха. Едва слышный фон откликающихся систем умолк. Даже свет свечей на мгновение дрогнул, будто от невидимого ветра.

Моя семья не дрогнула. Они видели этот фокус два года назад, когда я впервые показал им крохи своей реальной силы. Но остальные... Я увидел, как у Алексея расширились зрачки. Как Дик инстинктивно потянулся к несуществующему на поясе оружию. Как Сол замер, затаив дыхание. Эон резко подняла на меня взгляд, и в её глазах мелькнул не страх, а профессиональный, леденящий интерес к необъяснимому. Она первая поняла, что произошло: в комнате на чисто отключилась вся электроника. Включая импланты. На несколько секунд мы оказались в информационном вакууме, в пузыре абсолютной тишины эфира.

Я не стал ничего объяснять. Просто повернулся к ним, и

моё лицо, освещённое снизу пламенем камина и колеблющимся светом свечей, должно было казаться им лицом древнего оракула или заговорщика.

«Друзья мои, – начал я, и мой голос звучал тихо, но заполнил собой всю внезапную тишину. – Игра началась.»

Я сделал паузу, давая словам просочиться в сознание.

«Как вы знаете, я пришёл к власти на гребне Народного призыва. Не я его организовал – народ сам решил меня поддерживать. Это моя сила и моя ахиллесова пята. Я – ставленник улицы, мастеровой, выскочка. Я не легитимен для старой элиты. Они терпят меня, пока я полезен, пока я не трогаю их привилегий слишком явно.»

Я прошёлся перед камином, глядя на знакомые лица.

«Я не могу остановиться. Если я замедлю ход, если дам Империи опомниться, передохнуть и оглядеться – недобитые генералы, олигархи и министры, которых мы не успели или не смогли заменить, соберутся и сместят меня. А когда полетит моя голова... полетят и ваши. Все до одного. Это не угроза. Это констатация факта нашей реальности.»

В комнате было так тихо, что слышалось потрескивание поленьев.

«Поэтому моя стратегия одна: не давать Империи опомниться. Гнать её, как загнанную лошадь, всё дальше и дальше, к новым горизонтам. Засыпать её новыми, дикими, неосвоенными территориями. Манить перспективами и министров с генералами, и простых людей. Пусть там, на новых

мирах, они увидят шансы, которых никогда не имели здесь, в окаменевшем центре. Пусть их жадность, их амбиции, их надежда будут нашим топливом.»

Я указал на Сол, на Дика, на Алексея.

«Поэтому Сол— Канцлер. Дик – Магистр. Алексей – Магистр молодёжи. А Эдвард – Магистр детей. А я... я просто Вождь. Знамя. Но это не просто фигура речи. Я буду тем знаменем, которым будете размахивать вы. Я поведу людей личным примером. Я с Эдвардом станем медийными личностями: император-отец и наследник-сын, осваивающие Галактику. Мы будем строить корабли, лететь на новые планеты, ходить в походы – и всё это с его классом, с «Волчатами». Таша, как любящая жена и императрица, будет меня провожать и ждать, олицетворяя верность и домашний очаг. Эмма станет нашей «звёздочкой», символом добра и нового будущего. Вся наша жизнь станет грандиозным шоу, эпической сагой для всей Империи.»

Я позволил себе горьковатую усмешку.

«Но всё это— для виду. Лицо, которое мы покажем галактике. По-настоящему же... по-настоящему я заставлю всю эту махину работать. Я заставлю их формировать новые армейские корпуса и обучать их. Заставлю верфи строить корабли так, чтобы сталь звенела. Заставлю флотилии лететь дальше и осваивать, осваивать, осваивать. Мы создадим такой поток ресурсов, амбиций и возможностей, что все внутренние противоречия просто смоеет этой лавиной. Мы будем

постоянно расширяться, чтобы не взорваться изнутри.»

Я обвёл всех взглядом, останавливаясь на каждом.

«Вы мне поможете. Не как подданные – как друзья. Как соратники по тому самому, первому нашему бою, из которого мы все вышли живыми. Сол, ты будешь рулить бюрократической машиной так, чтобы она не съела нашу идею. Дик, ты сделаешь из Ордена не клуб по интересам, а стеновой хребет новой идеологии. Алексей, ты превратишь молодых и дерзких в нашу ударную силу. Отец, ты будешь моими глазами и ушами там, куда я не дотянусь.»

Мой взгляд наконец встретился с взглядом Эон. Она сидела неподвижно, но в её глазах горел тот самый огонь, который я видел днём ранее.

«Эон. Ты станешь нашим щитом и кинжалом в тени. Ты будешь знать всё, что о нас думают, что против нас замышляют. И тихо, без шума и пыли, устранять угрозы, которые нельзя устранить указами. Ты – наша тайная полиция в тайной полиции. Наша стража в ночи.»

Я выпрямился во весь рост.

«Мы не будем править Империей. Мы будем вести её. Ведём стаю на новые охотничьи угодья. И пока мы ведём – мы в безопасности. Нас нельзя свергнуть, потому что мы – сама дорога. Само движение вперёд.»

Я поднял бокал, который кто-то молча протянул мне. В нём искрилось тёмное, как космос, вино.

«За новую охоту, друзья. За то, чтобы никогда не останав-

ливаться.»

В тишине, нарушаемой только треском огня, прозвучало тихое, но единодушное: «За охоту».

И в тот момент, в свете древнего пламени, среди людей, которые знали меня без титулов и короны, я почувствовал не тяжесть короны, а силу плеча. У нас был план. И была команда. И ради этого стоило затеять игру с целой галактикой.

Глава 2 Сенат и народ Рима

Часть 6. Разгромленный совет. Сенат и народ Рима

Совет Императора не собирался вот уже год. Фактически, он был разгромлен и распущен, когда та самая, первая чистка выкорчевала самых яростных оппонентов. Многие из тех, кто оставался в списках, выступали тогда и против меня – против личного советника, против выскочки из Департамента развития. Они проиграли. Их карьеры, а иногда и жизни, закончились в забвении или в составе тех самых «зачищающих мёртвые флотилии» экспедиций.

Но пустующие кресла – плохой символ для правления. Пусть лучше они заняты теми, кого ты контролируешь, или кем, по крайней мере, можешь управлять. Поэтому я созвал его снова. Официально – для «обсуждения грандиозных планов экспансии и укрепления мощи Империи». Неофициально – чтобы поставить точку в старой войне и начать новую, уже по моим правилам.

Зал Совета, расположенный в сердце Резиденции, был спроектирован так, чтобы подавлять. Высокие потолки терялись в полумраке, длинный полированный стол из чёрного базальта отражал суровые лица сидящих за ним, а на стенах мерцали голограммы сменяющих друг друга гербов завоёванных миров. Воздух был прохладен и стерилен.

Я занял кресло во главе стола. Не трон – просто крес-

ло, но чуть выше других. По правую руку – Канцлер, мой Сол, его лицо было бесстрастной маской чиновника. По левую – новый глава СБ, мой бывший куратор, теперь огромный, неповоротливый бюрократ, который лишь кивнул мне в знак формальной лояльности. Между ними – пропасть недоверия, которую ещё предстояло преодолеть.

Остальные... Остались те, кого нельзя было просто убрать или чья полезность пока перевешивала риски.

· Генералы и адмиралы «нейтральной партии»: Их было пятеро. Они не поддерживали меня открыто, но и не лезли в первые ряды заговорщиков. Карьеристы до мозга костей. Их власть была в погонах и кораблях под их началом.

· Две торгово-промышленные гильдии: «Первая, которая больше торговая» и «Вторая, которая больше промышленная» но все это условно. Их представители, одетые в немислимо дорогие, но строгие костюмы, смотрели на мир холодными глазами бухгалтеров, видящих в галактике лишь строки доходов и расходов.

· Чёрная Гвардия: Её командир, человек в чёрной форме без знаков различия, сидел неподвижно, как изваяние. Половина личного состава Гвардии теперь была укомплектована моими людьми из старого Департамента. Его лояльность висела на волоске.

· Первый судья Империи: Древний старик с лицом, как изрезанная трещинами скала. Закон, традиция и бесконечная подозрительность ко всему новому. Он ненавидел меня как

воплощение хаоса.

· Глава Центрального банка: Сухая, как осенний лист, женщина с глазами-щипцами. Её богом была стабильность кредитно-денежной системы. Мои планы её откровенно пугали.

«Высокие члены Совета, – начал я без преамбул, мой голос, усиленный акустикой, прозвучал чётко и ровно. – Год бездействия окончен. Империя застоялась. Застоя – это гниение. Гниение ведёт к смерти. Я намерен этого не допустить.»

Я сделал паузу, дав словам осесть. Встретил взгляд первого судьи – ледяной, неодобрительный.

«План прост и грандиозен одновременно. Полномасштабная экспансия. Не на два-три мира. На десятки. Мы сформируем пять новых армейских корпусов. Построим три новые экспедиционные флотилии. Направлим их в неисследованные сектора. Наша цель – удвоить подконтрольное пространство в течение ближайших пятидесяти лет.»

В зале повисло молчание, которое через секунду взорвалось.

«Безумие!» – просипел Первый судья. «Ресурсы! Бюджет! Законы о колонизации!»

«Кто будет всем этим управлять?» – тут же вклинилась глава Банка. «Инфляция, перегрев экономики, крах!»

Генералы переглянулись. В их глазах читался не страх, а

жадный, хищный интерес.

Я поднял руку, и Канцлер, Сол, отстучал что-то по планшету. На столе перед каждым всплыли голограммы документов – расчёты, карты, схемы.

«Ответы на ваши вопросы— здесь, – сказал я. – Начнём по порядку. Господа генералы, адмиралы.»

Все взоры обратились к военным.

«Новые соединения— это не угроза вашей власти. Это её увеличение. Каждый новый завоёванный мир потребует гарнизона, флотской базы, администрации. Кто будет назначать туда командующих? Вы. Кто получит славу покорителей новых пространств? Вы. Я не просто раздаю вам войска. Я раздаю вам целые миры в управление. Ваши имена будут в учебниках. Ваши роды поднимутся до небес. Вы станете не просто военными. Вы станете архитекторами Империи.»

Я видел, как каменные лица генералов смягчились. Как в их глазах загорелись огоньки имперской мании величия. Они стали считать не потери, а будущие титулы.

«Гильдии, – перевёл я взгляд на торговцев. – Дикае миры – это неисчерпаемые запасы сырья. Редкие элементы. Биомасса. Целые планеты, готовые стать вашими сборочными цехами. Я предлагаю вам не просто доступ. Я предлагаю вам исключительные права на первоочередное освоение первых двадцати новых систем. С налоговыми каникулами на тридцать стандартных лет. Ваша прибыль увеличится в геометрической прогрессии. Вы станете не богачами. Вы станете-

те творцами новых рынков, монополистами галактического масштаба.»

Холодные глаза бухгалтеров загорелись азартом картёжников, увидевших королевский флеш. Они уже мысленно делили между собой астероидные пояса.

«Чиновникам, – мои слова теперь были обращены ко всем, – я обещаю не рутину, а Эпос. Вы будете не бумаги перекладывать. Вы будете цивилизовать дикарей, строить города на пустых мирах, создавать администрации из ничего. Ваши штаты вырастут вдесятеро. Ваша значимость сравняется с генеральской. История будет писаться вашими руками.»

Я откинулся на спинку кресла, давая им переварить предложения. В зале стоял возбуждённый гул. Даже Первый судья, казалось, задумался о том, как подвести под этот хаос юридическую базу.

«Обещания – громки, – сказал я тише, и шум мгновенно стих. – Но у медали, как водится, есть и обратная сторона. Империя двинется вперёд единым маршем. Тот, кто останется в стороне, тот, кто попытается саботировать этот порыв, будет не просто отстранён.»

Я нажал кнопку. На центральном экране возникло изображение: стройные ряды людей в серой, лишённой знаков различия форме, грузящихся на устаревшие транспорты.

«Пять штрафных соединений, укомплектованных теми, кто был против меня в прошлый раз, год как работают. Поте-

ри там велики, им всегда будет требоваться... пополнение.»

В зале стало так тихо, что слышалось жужжание системы вентиляции. Все прекрасно поняли намёк. «Август и его легионы... а несогласные пусть идут в гладиаторы», – мелькнула у меня в голове крамольная мысль, отсылка к древним земным временам.

«Поэтому выбор прост, – закончил я, вставая. – Вы говорите «да» сейчас. Вы вкладываете свои ресурсы, свой авторитет, свой талант в этот поход. И становитесь частью новой, великой истории. Или... вы становитесь статистикой, которая пополнит ряды тех, кто очищает путь для более умных и решительных.»

Я обвёл взглядом зал, останавливаясь на каждом.

«Канцлер и СБ уже со мной. Чёрная Гвардия... делает свой выбор сейчас. Остальным – решать. Совет голосует. За утверждение плана «Безграничный горизонт» и выделение первичных ресурсов.»

Я сел. Голосование было электронным, безымянным. Но я и так знал его результат ещё до того, как цифры всплыли на экране. Страх – отличный мотиватор. Жадность – ещё лучший. А сочетание того и другого – неодолимая сила.

Зелёные огоньки «за» зажглись один за другим. Даже у Первого судьи, после долгой паузы. Против не было никого. Воздержавшихся – тоже.

«Принято единогласно, – объявил Канцлер, Сол, без тени эмоций. – План вступает в силу.»

Я кивнул.

«Отлично. Тогда не будем терять времени. Канцлер, начнём формирование рабочих групп. Генералы, жду ваши предложения по структуре корпусов к концу недели. Гильдии – ваши инвестиционные планы. Заседание закрыто.»

Они начали расходиться – возбуждённые, испуганные, алчные. Я остался сидеть в огромном, почти пустом зале, глядя на угасающие голограммы.

Сенат куплен, – подумал я. – «Народ Рима» в лице тех самых «Волчат», пионеров и честолюбивых простолюдинов – за мной. Осталось лишь гнать эту телегу вперёд, чтобы её колёса перемололи тех, кто попытается подставить подкоп.

Разгромленный Совет был собран. Теперь ему предстояло стать инструментом в моих руках. Первый официальный шаг был сделан. Игра с Империей переходила в открытую фазу.

Часть 7. Сенат и народ Империи

Тронный зал Главной Императорской Резиденции на Эдеме был спроектирован для одного – подавлять и внушать благоговейный трепет. Сегодня он выполнял свою функцию на все двести процентов. Огромное, устремлённое ввысь пространство, больше похожее на собор или ангар для звездолётов, было заполнено до последнего миллиметра. Всё, что хоть что-то значило в Империи, собралось здесь, образуя живой, дышащий гобелен из власти, денег и амбиций.

В первых рядах, на мраморных скамьях, восседали выс-

шие сановники, генералы и адмиралы в парадных мундирах, усыпанных орденами, олигархи в неброских, но безумно дорогих костюмах. Чуть дальше – отличившиеся офицеры, чиновники с портфелями грандиозных проектов, медийные лица с идеальными улыбками. На галереях теснились представители прессы, а гигантские линзы голокамер беззвучно парили в воздухе, готовясь транслировать каждую секунду на все обитаемые миры. Воздух был густ от смешения дорогих парфюмов, воска для сапог и чувства собственной исторической важности.

Тронная речь. Не доклад, не совещание. Представление. Тщательно отрежиссированный ритуал, где каждое движение, каждый вздох были частью церемониала.

Фанфары, пронзительные и медные, разрезали гул толпы. В полной тишине, отбивая точный шаг, прошёл почётный караул Чёрной Гвардии, их чёрные латные доспехи поглощали свет. Затем, под прицелом тысяч глаз и объективов, вышли мы.

Я шёл первым. Не в горностаевой мантии или генеральском мундире. Я был в строгой, почти аскетичной форме полковника Первого строительного (бывшего Инженерного) полка. Скромные нашивки, никаких регалий. Символ. Я был не завоевателем, а строителем новой империи. За мной, стараясь не отставать и держа спину прямо, шагал Эдвард, мой наследник, в подобной, но адаптированной для ребёнка форме «Волчат Предела». Затем – Таша. Императрица в платье

из ткани, мерцавшей, как звёздная пыль, но покроем напоминавшем практичный дорожный костюм. На её руках, широко раскрыв глаза от множества огней и людей, сидела Эмма, наша «звёздочка», в простом белом платье.

Замыкали процессию Дик, Магистр Ордена, и Алексей, Магистр Молодой Стаи, в новых, торжественных, но лишённых военной вычурности облачениях Ордена – тёмно-синих плащах с вышитой золотой стрелой, указующей за горизонт.

Мы заняли места на возвышении. Я – в простом, но массивном кресле, которое служило тронем. Семья – рядом, чуть ниже. Дик и Алексей встали по флангам, как живые гербы.

Церемониймейстером выступал Первый Гвардеец. Гигант в чёрной лате, его лицо скрыто шлемом. В его руках было не оружие, а древнее, ритуальное копьё из чёрного металла. Он трижды ударил древком о полированный пол, и звук, подобный колоколу, прокатился по залу, наводя последнюю, абсолютную тишину.

Голос Первого Гвардейца, усиленный и искажённый модулятором, прогремел под сводами:

–ОБРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ГЕОРГИЯ ПЕРВОГО!

Это был мой cue. Я встал. Все взоры, словно притянутые магнитом, устремились ко мне. Свет голокамер выхватил моё лицо из полумрака возвышения. Я сделал небольшую паузу, позволив напряжению достичь пика.

Потом заговорил. Без пафоса. Без ораторских завихрений. Чётко, ясно, рублеными фразами, которые должны были врезаться в память даже самого простого колониста на дальнем руднике.

– Сенат и народ Империи!

Мой голос, усиленный, заполнил пространство.

–К вам обращаюсь я. Вы поддержали меня в трудный час. Я этого не забыл.

Ещё одна пауза. Пусть осознают, что это не просто вежливость, а констатация долга.

–В обмен... я даю вам путь. Не подачки. Не обещания покоя. Путь.

Я медленно повернул голову, обводя взглядом зал, словно встречаясь глазами с каждым.

–Путь к победе. Путь к процветанию. Путь к развитию. К богатству, которое вы заработаете своими руками, а не получите по милости рождения.

Я сделал широкий, открытый жест в сторону Дика и Алексея.

–Идите со мной. На новые территории. На новые планеты. Записывайтесь в ряды нового Ордена Первопроходцев. Взрослые – к Дику. Молодые – к Алексею. Все ваши старания, вся ваша храбрость, весь ваш ум – будут замечены. И будут награждены. Титулами. Землёй. Должностями. Будущим для ваших детей.

Затем мой тон стал жёстче, металлическим.

–Но предупреждаю: легко не будет. Награду нужно будет заслужить. Кровью, потом, упорством. Там, за новым горизонтом, нас ждут не сады Эдема, а дикость, которую предстоит покорить. Слабым там не место.

И тут я положил руку на плечо Эдварда, который стоял, вытянувшись в струнку. Мой голос снова обрёл оттенок, близкий к человеческому.

–Я и мой сын, ваш наследник, будем там. Вместе с вами. Мы будем строить первые форпосты, открывать первые шахты, сажать первые деревья. Не по приказу. По велению долга. Нашего общего долга перед будущим.

Я отвёл руку.

–На этом всё.

Я сел. Речь заняла меньше трёх минут. Она была закончена. В зале на секунду повисла тишина – та самая, неловкая пауза, когда грандиозность момента требует бурной реакции, но церемониал сковал людей.

Я не ожидал оваций. Я не заказывал их. Моя речь была не для того, чтобы растрогать, а чтобы обозначить курс. Жестокый, ясный, недвусмысленный.

Но, видимо, Белая Гвардия, отвечающая за пропаганду и «настроение масс», недаром ела свой хлеб.

Овация началась не с первого ряда сановников. Она грянула с галерок, где сидели отобранные «представители народа», отличившиеся рабочие, офицеры среднего звена, пламенные активисты. Их крик «Ура!» прозвучал как по коман-

де – громко, слаженно, искренне настолько, насколько это может быть искренним в таком месте.

Этот крик подхватили в центре зала. Генералы, понимая, что промедление будет замечено, встали и начали аплодировать. За ними – олигархи, чиновники. Через несколько секунд весь колоссальный зал ревел. Люди вскакивали с мест, аплодировали, кричали. Звук был оглушительным, почти физическим. Даже суровые лица Чёрной Гвардии под шлемами, казалось, были обращены на меня с новым, более глубоким вниманием.

Я сидел неподвижно, глядя на этот бушующий океан лояльности, частью искренней, частью показной, частью вынужденной. Рядом Таша сжала руку Эммы, а та, испугавшись гула, прижалась к матери. Эдвард смотрел на ревущую толпу с восторженным ужасом, впервые по-настоящему осознавая, что значит быть сыном того, кто может одним словом привести в движение миллиарды.

Я поймал взгляд Дика. Он едва заметно кивнул: работа проделана. Алексей смотрел на овацию с жадным интересом ученика, постигающего мастерство.

Представление окончилось. Курс был объявлен. Народ (или его хорошо подготовленная часть) «одобрил». Теперь предстояло превратить эти аплодисменты в металл кораблей, в шаги солдатских сапог по чужой земле, в строки отчётов о новых колониях.

Церемониал отступил. Начиналась настоящая работа. И

первый, самый важный акт пропагандистской войны был выигран без единого выстрела. Только словом. И хорошо оплаченными аплодисментами.

Часть 8. Золотой подвиг

В Империи было три сословия: те, кто правит, те, кто платит, и те, кто умирает.

Военные принадлежали к третьим. И были самым открытым сословием.

Открытость эта была не следствием великой доброты или просвещённости аристократов. Она была порождена простой, как траектория выстрела, арифметикой: офицеры на войне имеют обыкновение заканчиваться. Мясо для мясорубки должно быть свежим, и его должно быть много – неограниченно много. Для этого и существовала имперская повинность и система контрактов, высасывавшая из планет-доноров самых сильных, самых голодных, самых отчаянных.

У чиновников и торгашей требовалась родословная. Двадцать поколений, вписанных в золочёные свитки или в кристаллическую память родовых архивов. У военных требовалась кровь. Желательно – чужая, в больших количествах.

Простолюдин, призванный по повинности или завербованный контрактёром, мог выслужить максимум до вахмистра третьей статьи. Это был потолок, отлитый из титановых погон и генномодифицированных костей родовой аристо-

кратии. Дальше дорога была закрыта. Ты мог быть гениальным тактиком, мог чувствовать поле боя, как свою кожу, но твои предки не сражались при основании Империи. Твоя кровь не несла в себе спиралей одобренных гербов. Ты был расходным материалом.

Но война – дурной математик. Она не считает поколения. Она считает шансы. Вероятность гибели. Коэффициент полезного действия. Иногда одна рота, зажатая в тиски на окраине сектора и отчаянно держащая проход для отступающего флота, стоила в её расчётах больше, чем весь титулованный офицерский состав дивизии. В такие моменты железные правила давали трещину.

Простолюдину в бою могли доверить роту. Дать временное звание «капитан-исполняющий». Он мог командовать потомственными дворянами, отдавать приказы, вести их на смерть и, что ещё страшнее, – на победу. Но когда бой затихал, когда генералы получали свои кресты за «умелое руководство», «капитан-исполняющий» снова становился вахмистром. Аристократом он не становился. В лучшем случае он получал медаль, денежную премию и пожизненную хромоту. Он был инструментом. Одноразовым шприцем, который выбрасывают после укола, пусть даже этот укол спас пациенту жизнь.

Путь навверх для таких, как он, был один. И он назывался «Золотой подвиг».

Это было не просто геройство. Это было нечто большее. Спасение флагмана ценой своего корабля, когда весь экипаж знал, что это билет в один конец. Удержание стратегической планеты против двадцатикратного превосходства рейдеров в течение стандартного месяца. Ликвидация угрозы уровня «Кси» – будь то мятежный боевой ИИ или ксеносная чума, – когда от одного неверного решения мог погибнуть целый сектор. Подвиг, который нельзя было игнорировать, замолчать или приписать какому-нибудь аристократу, с удобной дистанции наблюдавшему за битвой с мостика флагмана.

«Золотой подвиг» давал право. Не милость, а именно право, прописанное в древних воинских артикулах. Право на личное дворянство. Бывший вахмистр получал погоны младшего лейтенанта и приставку «фон» к своей убогой, плебейской фамилии. Он становился господином. Ему жали руку. Его приглашали на офицерские собрания. Но его дети – нет. Они наследовали лишь призрачный статус «неприкосновенных плебеев» – выше черни, но ниже самого захудалого потомственного аристократа. Для них путь вверх оставался единственным, но невероятно узким, как горлышко бутылки.

Потомственное дворянство кровью и потом выцарапывалось уже его потомками. Оно давалось автоматически при получении звания майора – если, конечно, дети одноразового шприца сумели дожить, не опозориться и пробиться сквозь ту же стену предрассудков. Только тогда род вписы-

вали в свитки. Только тогда они переставали быть пушечным мясом и начинали им командовать по праву рождения.

Был, впрочем, и другой путь. Более быстрый, но куда более унижительный. Брак. Младший лейтенант-плебей, герой с «Золотым подвигом», мог жениться на обедневшей, но всё ещё потомственной военной аристократке. Но это был не брак. Это было поглощение. Он входил в её род, терял свою фамилию, свою историю, своё прошлое. Его дети наследовали её титулы. Он сам становился приложением к гербу – живым трофеем, доказательством того, что система может перемолоть кого угодно, впитать любую угрозу, но никогда – ни при каких обстоятельствах – не сломаться.

Именно поэтому военное сословие было самым открытым. Оно впитывало в себя лучших из низов, самых голодных, самых талантливых, самых безжалостных. Оно давало им иллюзию роста, приманку в виде «Золотого подвига». А потом перемалывало их в пыль на астероидных фронтах или заставляло предать самих себя, сменив имя на чужое.

Теперь в эту древнюю, отлаженную машину я, Георгий I, вбрасывал новую переменную. Новую приманку. Новый «Золотой подвиг».

Теперь на пути вверх стоял не один огненный рубеж. Теперь их было два. Старый, кровавый – на поле боя. И новый, который я создал – три медали Ордена Первопроходца. Освоить целый континент на новой планете. Наладить межпланетную торговую линию с нуля. Разработать техно-

логию, меняющую жизнь колонии. Заслужить три медали, получить титул и право прибавить к своей фамилии тот же самый «фон». И что самое главное – этот путь был открыт не только для военных. Им мог пойти чиновник на далёкой заставе. Инженер на верфи. Агроном, заставивший пустыню цвести. Торговец, связавший миры.

Военная аристократия к «выскачкам» была давно привычна. У неё были отработанные, циничные методы: перемолоть в бессмысленных атаках, поглотить через брак, задавить пренебрежением в штабах. Их система переваривания новых кровей работала, как часы.

Но чиновничья и торговая аристократия... Они были иными. Их крепости строились не на костях, а на вековых контрактах, брачных договорах и запертых архивах. Они не знали, как переваривать выскочек, чьим гербом был не родовой щит, а три простых медали за реальные дела. Для них это была не кровь, которую можно спустить в сточную канаву войны. Это была чума инициативы, зараза эффективности. Они не были готовы пускать в свои ряды тех, кто добился всего трудом, а не родством. Их отторжение будет не явным, не кровавым. Оно будет тихим, холодным, бюрократическим. Шаг в сторону – и твоя карьера упрётся в негибаемую стену протоколов и «устоявшихся практик». Твои контракты будут «теряться», твои изобретения – «не соответствовать стандартам безопасности». Тебя будут душить в объятьях формальностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.